

РАЗНООБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТЕКСТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОГОЛЯ

Ван Чунхунь

Доцент, Цзилиньский
педагогический университет,
г. Сыпин, провинция Цзилинь, Китай

DIVERSITY OF LITERARY CONTEXTS IN GOGOL'S WORKS

Wang Chunhun

Annotation

Gogol at the beginning of the XXI century was just as unconceivable interpretations and "getting out" beyond any interpretation that was for his readers and during his lifetime.

Creativity NV Gogol, in spite of the apparent study, is still a mystery, which every generation has to solve in a new way. From the standpoint of modern science, it seems necessary to revise the generally accepted stereotypes and to approach Gogol's study impartially and objectively, taking into account the positive experience of past studies and new trends in Gogol.

Gogol is one of the rare writers whose brilliant artistic heritage demonstrates exceptional universalism, which allows us to speak about the harmonious inclusion of his work in various cultural, aesthetic, philosophical and literary contexts, thereby defining the most promising line of Gogol studies of the connections of the great artist with various traditions of Russian and Western European culture, as evidenced by the work of A.N. Veselovsky, M.M. Bakhtin, V.V. Vinogradova G.A. Gukovsky, Yu.M. Lotman et al.

The article explores the question of what is happening now in Gogovlem? As you know, Gogol exists on the border of Russian and Ukrainian cultures. In Gogolism, there is the question of which culture, does it belong to a greater degree? How acute is the use of Gogol's name in the political sphere?

Gogol is certainly an outstanding figure. How and why did Gogol create a special atmosphere of mystery around himself and his works? This poetics of Gogol's secret gives rise to a unique for Russian literature image of the Mysterious Author, the master of meaning, not accessible to the simple reader. While reading Gogol, we do not move forward, from the beginning to the end of the text, but back to the source of the message, eluding our understanding.

The accumulated material requires systematization and generalization. Many of the previously unknown facts of Gogol's biography and creativity need scientific understanding and interpretation.

Keywords: Gogolian, literary criticism, literary criticism of the 21st century, modern literary criticism, Gogol, Gogol studies.

Аннотация

Гоголь в начале XXI столетия оказался столь же не поддающимся однозначным истолкованиям и "вылезавшим" за рамки любой интерпретации, каким был для своих читателей и при жизни.

Творчество Н. В. Гоголя, несмотря на кажущуюся изученность, представляется по сей день некоторой загадкой, разгадывать которую приходится каждому поколению по-новому. С позиций современной науки представляется необходимым пересмотреть общепринятые стереотипы и подойти к изучению Гоголя непредвзято и объективно, учитывая положительный опыт прошлых исследований и новые тенденции в гоголеведении.

Гоголь – один из редких писателей, чье блестящее художественное наследие демонстрирует исключительный универсализм, позволяющий говорить о гармоничном включении его работы в разнообразные культурные, эстетические, философские и литературные контексты, тем самым определяя наиболее перспективную линию гоголеведения изучение связей великого художника с различными традициями русской и западноевропейской культуры, о чем свидетельствуют работы А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова Г.А. Гуковского, Ю.М. Лотмана и др.

В статье исследуется вопрос о том, что сейчас нового происходит в гоголеведении? Как известно, Гоголь существует на границе русской и украинской культур. В гоголеведении стоит вопрос о том, какой культуре, он принадлежит в большей степени? Насколько сейчас остро стоит использование имени Гоголя в политической сфере?

Гоголь безусловно выдающаяся фигура. Как и зачем Гоголь создавал особую атмосферу таинственности вокруг себя и своих произведений? Эта поэтика секрета Гоголя порождает уникальный для русской литературы образ Загадочного Автора, хозяина смысла, не доступного простому читателю. Читая Гоголя, мы как бы движемся не вперед, от начала к концу текста, а назад – к источнику сообщения, ускользающего от нашего понимания.

Накопленный материал требует систематизации и обобщения. Многие не известные ранее факты биографии и творчества Гоголя нуждаются в научном осмыслении и интерпретации.

Ключевые слова:

Гоголиана, литературоведение, литературоведение XXI века, современное литературоведение, Гоголь, гоголеведение.

Н.В. Гоголь не принадлежит к числу самых известных и самых читаемых русских писателей в Европе и Америке. Общемировое значение творчества Гоголя отрицали сначала даже те, кто высоко его ценил. Так, на-

пример, В. Г. Белинский писал в 1842 году: "Мировой поэт не может не быть великим поэтом; но великий поэт еще может быть и не мировым поэтом. <...> Гоголь великий русский поэт, не более; "Мертвые души" его – тоже

только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. <...> Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. <...> Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества, и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России" [1, с. 50].

Гоголеведение в последние десятилетия указывает на определенную раздробленность, на изолированность определенных аспектов его работы, иногда на его радикальную модернизацию и актуализацию под давлением модернизма и постмодернизма. Современное гоголеведение – это плюралистическая панорама, в которой целостность его творчества часто ломается на отдельные, казалось бы, взаимно не связанные сферы и точки зрения.

Творчеству Гоголя в русскоязычном литературоведении посвящено большое количество работ. Можно назвать много работ о "Записках сумасшедшего" – от критических статей В. Г. Белинского, который писал еще при жизни Гоголя, до исследований современных литературоведов [6, с. 36].

Нетрудно заметить, что взгляды критиков и ученых на Гоголя изменялись с течением времени. Чтобы проследить, какие это были изменения, сравним две работы: главу из книги Г.А. Гуковского "Реализм Гоголя" [3, с. 307] (1940-х годов) и статью В. М. Марковича "Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя" [4, с. 20] (2000-х годов). Эти авторы выражают две точки зрения, две интерпретации, к которым так или иначе тяготеют другие исследователи. Сопоставляя две эти интерпретации повести "Записки сумасшедшего", можно заметить много общих взглядов и наблюдений у двух ученых, но важно и различие мнений.

Оба прочтения достаточно аргументированы: хотя работа В. М. Марковича более современная, но и в работе Г.А. Гуковского его точка зрения поддерживается очень убедительно. Г.А. Гуковский мало говорит о духовном состоянии человека, героя. Он сосредотачивается на реалистической стороне повести и анализирует ее очень подробно. Причина трагедии Поприщина – маленького человека, по мнению ученого, в социальном строе, в несправедливости, которая является основой общественного устройства.

Безумие героя Гоголя – иного рода, чем в произведениях его современников (романтиков). Безумцы-романтики живут в мире мечты. Гоголь в "Записках сумасшедшего" изобразил такого пошляка, который живёт в условиях дикой действительности. Хотя у Поприщина тоже

есть мечта, но она основана не на противопоставлении высокого идеала и низкой действительности (как у романтиков), а на основе его эгоизма. Он не стремится изменить мир, но хочет в этом уже существующем мире занять более удобное положение.

Сущность безумия у Гоголя (по мнению Г. А. Гуковского) – зло сословного строя и "денежного наваждения" [3, с. 307]. В "Портрете", "Невском проспекте", "Записках сумасшедшего" осуществляется суд над укладом, который разрушает жизнь маленького человека [3, с. 307]. В. М. Маркович рассматривает единый мир "петербургских повестей" Гоголя (связи между отдельными повестями цикла очень значимы). Во всех этих повестях Гоголь изобразил "сумасшедшую природу" и истории безумцев. Например, в повести "Портрет" художник Чертков променивает свой талант на успех и общественное положение, но в конце концов оказывается "наказан" и начинает чувствовать безумие.

В повести "Невский проспект" художник Пискарев – психически здоровый человек, но часто впадающий в бредовое состояние, как душевнобольной. В "Носе" коллежский асессор Ковалев теряет свой нос, как только он просыпается, а по развитию сюжета повести встречает свой нос в реальной жизни (наяву). В течение того времени, что нос отсутствует, Ковалеву кажется, что он относится к этой реальной действительности, как будто он уже сошёл с ума.

В "Записках сумасшедшего" целиком показана история болезни безумца Поприщина. И в "Шинели" также изображается абсурдное ненормальное общество. С точки зрения В.М. Марковича, в этих повестях Гоголь изобразил такой мир, в котором нарушаются законы логики. Объяснение этому такое: этот мир ослеплен дьяволом. Пороки общества – ложь, несправедливость, господство материальных ценностей, равнодушие людей друг к другу, власть звания и чина над человеческой личностью – это "болезнь духа". Идеи Просвещения уже не влияют на жизнь людей, разум перестает быть ценностью, у человека остаются только материальные интересы.

В целом, сравнивая две интерпретации, можно заключить: по мнению Г.А. Гуковского, причина несчастья Поприщина – это социальные проблемы, а по мнению В. М. Марковича, – универсальные противоречия. Оба исследователя отмечают, что тема безумия была популярна у современников Гоголя, но в "Записках сумасшедшего" она трактуется необычным образом.

Романтики изображают безумца-мечтателя, Гоголь – настоящего сумасшедшего, который погружен в мир действительности. В обеих работах говорится о важности в "петербургских повестях" темы чинопочитания, чина, заменяющего личность. Чиномания делает человека су-

масштабным. Связь безумия Поприщина с проблемой чина два исследователя видят по-разному.

Говоря о любви Поприщина к дочери начальника, В.М. Маркович, замечает, что этот вечный неразрешенный конфликт – не оправдавшаяся любовь – отчасти стал причиной сумасшествия. Г.А. Гуковский считает, что в действительности Поприщин совсем не любит Софи, он любит только чин её отца, её положение: даже платок её тоже имеет чин, который выше его. Получается, что Поприщин сходит с ума из-за своего "малочинства". Обе эти точки зрения кажутся с разных сторон убедительными.

Образ главного героя два исследователя тоже оценивают по-разному. В.М. Маркович видит в нем лирические черты. В конце повести, когда Поприщин оказывается в сумасшедшем доме, он жалобно просит: "Матушка, спаси твоего бедного сына!". Это лирический монолог. Поприщин оказывается похожим на романтического героя: он видит в сознании помешательства Италию, море, тройку, избушку, свою матушку.

Г.А. Гуковский же считает, что это патетический монолог – протест пробудившейся личности против угнетения. Здесь снова проявляется различие двух интерпретаций. Г.А. Гуковский видит в повести социальный конфликт – противоречие, которое порождено определенными историческими условиями, и которое должно быть разрешено.

В.М. Маркович говорит о чертах романтического конфликта, то есть об универсальном вневременном противоречии. Те исследователи, которые принимали точку зрения Г.А. Гуковского, развивали ее дальше и говорили о критическом реализме Гоголя. Цель повести, по их мнению, – посредством гротеска показать пороки общества, сатирически изобличить бюрократическую иерархию, которая разрушает личность; наметить возможность победы над этими пороками (финал повести они рассматривают однозначно как "пробуждение" героя от безумия).

Именно так понимает повесть Е.А. Серебряков [5, с. 230]. Другие ученые, развивают точку зрения близкую мнению В.М. Марковича. Гоголь изображает вечную борьбу добра и зла, Бога и дьявола, вечный поиск истины и правды. Победа над злом начинается не с переустройства мира, а с обновления души человека. Будет ли эта победа, Гоголь не говорит – в финале Поприщин так и не освобождается от сумасшествия. Два эти взгляда на "Записки сумасшедшего" отражают разные этапы понимания и осмысления литературоведами творчества Гоголя.

Нельзя говорить о правильных и неправильных объяснениях: по мере развития человеческого сознания, взгляды на литературу меняются. Современники Гоголя

и критики 1850–х–1860–х годов видели в нем сатирика и борца с социальным злом; в эпоху модернизма говорят о религиозных и вечных конфликтах в гоголевском творчестве; советские литературоведы говорят о критическом реализме Гоголя; современные исследователи находят у него сочетание романтического, сатирического, религиозного – сложные универсальные смыслы.

Примерно с середины 20 века начинается известный спор о том, как интерпретировать гоголевское творчество, спор, который можно обобщенно назвать спором исторического и сверхисторического понимания или видения. С одной стороны, Гоголь воспринимается как типично восточнославянский автор, опирающийся на традиции русской культурной специфики с ее неоконченной секуляризацией, пре-пост эффектом (термин наш), т. е. нарочитым пробиванием новых поэтологических путей в стороне от преобладающих тенденций. Проза Н. В. Гоголя, главным образом его роман-поэма, исходила из традиций, на которые необходимо посмотреть поближе.

Сейчас Гоголь излагается с разных сторон, многоаспектно, но как-то слишком модернизируется, становясь скорее верификационным материалом разных теорий, чем настоящей целью исследования. Бывший дуализм его видения трансформируется во внеисторический дискурс; Гоголь оторван от русской или, точнее, восточнославянской культурной и религиозной традиции. Встречаются, однако, и попытки своеобразного синтеза обеих точек зрения, например, в юбилейном американском сборнике 1999 года (*Exploring Absence*) со статьями разных специалистов (Sven Spieker, Renate Lachmann, Jurij Potkan, Mikhail N. Christopher Putny, Susi Frank, Michail Vajskopf, Boris Gasparov, Michael Holquist Boris Groys, Sergej Goncarov, Natascha Drubek-Meyer and Mikhail Yampolsky).⁵ Именно в этом случае необходимо выразить неудовлетворенность тем, что о Гоголе здесь пишется будто бы в первый раз, многие фундаментальные работы словно не учитываются, игнорируются, многие идеи, следовательно, вновь повторяются. Это полностью в духе постмодернизма, т. е. прошлое понимается только как часть новых текстов, оно само по себе как ценность не существует, прекращается осмысленная преемственность, все образует одно хаотичное, неиерархизованное целое.

Кроме попыток синтетизировать взгляд на Гоголя с позиций модернизма или постмодернизма есть и новые компаратистские и документальные исследования, бросающие на Гоголя новый, не только фактографический, но и методологический свет. Это, прежде всего, новая книжка Марка Соколянского, известного историка русской литературы, компаративиста и генолога (жанролога). Межславянской компаративистикой характеризуется и концепция Института славяноведения Российской Академии Наук [2].

Гоголь является не только объектом научного исследования, но и, главным образом, инспирирующим стимулом развития методологии самого литературоведения. Тенденция к интертекстуальности и метатекстуальности является явным, хотя и не новым, направлением, входящим в вышеупомянутый спор, в двойную проекцию Гоголя в начале 21 века. Современное гоголеведение представляет собой плюралистическую панораму, в которой целостность его творчества зачастую, увы, распадается на отдельные, как бы взаимно не связанные, сферы и точки зрения. Дуализм его видения, зародившийся в середине 20 века, был началом этой атомизации, хотя само творчество, как подтверждается и в упомянутых новых трактованиях, с самого начала выступает как единое целое, т. е. как сложный, но однородный, целеустремленный комплекс, с точки зрения не только идеологии, но и литературной морфологии и целостного восприятия мира и человека и их трансценденций.

Гоголь привнес в русскую литературу и особенную достоверность живого слова (хотя и барочно витиевато), обладающую магической силой воздействия на читателя. Она и прорвала оболочку "искусственного начала и неестественного развития", характерного для русской литературы, где, по мысли Белинского, властвовало "торжество мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности". Гоголь явился "вдруг среди этих пустоцветов и дождевых пузырей литературных, среди этих ребячих затей, детских мыслей, ложных чувств, фари-сейского патриотизма, приторной народности..."[1].

Другие же качества гоголевского таланта – сатира и едкая ирония, – воспринимавшиеся как пафосная стилистическая новизна при жизни писателя, постепенно превратились, по мере роста общественного мнения в России, в своеобразное средство восприятия русской действительности.

В современном гоголеведении, которое уже вышло за рамки литературоведения и часто оказывается в области искусствоведения, философии, психологии, теологии и т.п., можно выделить несколько больших тем. Одна из них – биографическая. Почти 200 лет прошло со дня рождения писателя, а его жизнь изучена далеко не полностью.

В гоголеведении существует тенденция противопоставлять двух мемуаристов – в. П. Анненкова и с. т. Аксакова, расставивших разные акценты в интерпретации личности и жизни писателя. Однако, отказаться от воспоминаний Анненкова означало бы отказаться от Гоголя-артиста, образ которого для многих сформировался благодаря знаменитому "Гоголю в риме в 1841 году".

Можно выделить три основные роли писателя в русской культуре первой половины XIX века – украинец, ху-

дожник, комик, которые отразили богатство артистической натуры Гоголя, но одновременно ограничили восприятие его личности и творчества.

Биографические исследования, как правило, включают в себя и реконструкцию идеологического климата эпохи. Гоголь в таком контексте часто выступает как фигура ключевая – не только гениальный художник, но и глубокий мыслитель, прекрасно ориентировавшийся в политической и идеологической картах европы, самостоятельно строивший программу преобразования общественной жизни в России.

Сравнительный анализ нравственных и государственных воззрений Гоголя с позицией и идеологией его современников раскрывает своеобразие его взглядов и одновременно высвечивает особенности развития общественной мысли в России в целом.

Идеологическая оппозиция Гоголю в лице Аполлона Григорьева нашла выражение в его итальянских впечатлениях, построенных как антитеза гоголевским. Впоследствии, уже в XX века, эта же оппозиция выразилась в противостоянии Блока и Белого.

Связи Гоголя с его современниками оставили след и в сочинениях писателя. Гоголь тщательно скрывал свою творческую лабораторию, не называл имена авторов тех произведений, которые, как можно понять из сравнительного анализа текстов, были прочитаны им внимательно и творчески применены.

Другая большая тема современного гоголеведения – Гоголь и Украина. Спор о принадлежности Гоголя к одной или другой национальной традиции постоянно возникает в современном литературоведении. До сих пор неработан подход, который бы сочетал Гоголя украинского с Гоголем русским, и две эти линии в гоголеведении не смыкаются.

Подход, когда писатель принадлежит только одной культуре, сегодня неактуален. Тут примером могут служить Польша и Франц Кафка, которые оказываются своими сразу в нескольких культурах.

Так и Гоголь – он свой и в украинской, и в русской литературе, и тут нет повода для конфликта. Скорее тут может быть соперничество – кто больше издаст, лучше прочтет и поймет.

Решая вопрос о национальности Гоголя, нельзя забывать про исторический контекст. Русский писатель сегодня и в XIX веке – разные понятия. Украинский писатель сегодня, когда существуют украинская государственность и развитый украинский литературный язык, и украинский писатель полтора века назад, когда только-

только начинался процесс создания украинской нации, – еще более разные понятия. Попытка национальной идентификации того или иного писателя вне этих исторических реалий обречена на провал, что мы и наблюдаем в случае с Гоголем: сама возможность постановки вопроса о национальной принадлежности Гоголя означает, что эта принадлежность неочевидна.

В 1998 году в украинском издательстве "А-ба-ба-га-ла-ма-га" вышли украинские переводы "Тараса Бульбы", "Ночи перед Рождеством" и "Вия". У русских читателей уже сама эта книга и украинское написание имени автора (Микола Гоголь) вызывают бурю эмоций, от иронии до раздражения. Но целью книги, надо думать, было возвращение Гоголю аутентичности.

Авторы предисловия и послесловия к украинскому изданию – доктор филологических наук Тамара Гундорова и профессор Национального университета им. Тараса Шевченко Василий Яременко – ссылаются на Евгения Маланюка, цитату из которого издатель выносит на форзац книги: "Речь идет про восстановление настоящего образа. А то, что образ этот есть и был национальный, – в том сомнений нет. Только настоящий, т.е. национальный, образ Гоголя раскроет нам так называемую тайну Гоголя, мрачный трагизм его жизни и творчества, описанный в довольно обширной литературе про него, но не проясненный в своей сути".

Разворачивая эту мысль, сопутствующие украинскому переводу тексты дают довольно толковые ответы на все те вопросы, которые возникают в связи с национальностью Гоголя, его самоидентификацией и позднейшей идентификацией его нами. Характерно само название послесловия Яременко: "Гоголевский период ук-

раинской литературы". Яременко говорит про тот период становления украинской литературы, когда она существовала еще не только и не столько в рамках народного, украинского языка, а писалась официальным, имперским языком – т.е. русским. На выбор языка влияло множество факторов. Характерный пример – современник Гоголя Тарас Шевченко, который писал по-русски тогда, когда публикация сочинений на украинском ему была запрещена. Тот же Шевченко, выбравший основным языком украинский, подвергался преследованиям со стороны имперских властей, в то время как Гоголь, писавший по-русски, был лишен подобного опыта.

Гоголь заключил "колониальный контракт" в ущерб своим родовым, национальным интересам ради литературного успеха. А Яременко, вслед за творцами украинской идентичности Шевченко, Кулишом и Драгомановым, призывает считать Гоголя украинским писателем, пишущим на русском языке. Такое определение странно звучит для русского читателя, привыкшего отождествлять национальность с языком, но вполне естественно для украинца и читателя, знакомого с украинской историей. В конце концов, не только в прошлом украинские писатели и публицисты выбирали русский язык своим рабочим инструментом, но и сегодня существуют украинские писатели, пишущие по-русски. Что не мешает им называться украинцами. Как существуют и латышские, литовские и эстонские писатели, выбирающие своим языком русский, но остающиеся сугубо национальными авторами.

Обе культуры, и русская, и украинская, склонны считать Гоголя именно своим писателем. Но может ли он, как общий знаменатель, служить взаимопониманию между Украиной и Россией?

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1979. – Т. 5.
2. Гоголь Н.В. и славянские литературы. Тезисы международной конференции 10–11 ноября 2009. Отв. ред. Л. Н. Будагова. Москва 2009.
3. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
4. Маркович В. М. Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя // Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего: Повести. – СПб.: Азбука, 2012.
5. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае. – СПб.: Азбука, 2012.
6. Скрипник А. В. Общественно-литературный фон повести "Записки сумасшедшего" Н. В. Гоголя: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.

© Ван Чуньхунь, [wbcd123@sina.com], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

